

КЛЮЧЕВЫЕ ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ ВНЕШНИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Лаптёнок Виолетта Олежна

Аспирант кафедры интеграционного права и прав человека Московского государственного института (Университет) международных отношений (МГИМО) (Москва),
ORCID: 0000-0002-5450-869X, e-mail: viola160596@gmail.com.

Отказ наднациональных инстанций Европейского союза от прежде непререкаемых ключевых внешнеполитических табу на поставки третьим странам, вовлеченным в вооруженный конфликт, летальных видов вооружений – новый элемент его внешней политики, который свидетельствует об отступлении Брюсселя от сбалансированного подхода к ключевым направлениям реализации своей глобальной стратегии, качественной трансформации иерархии нормативно-правовых приоритетов ЕС, изменении самого характера осуществляемой Евросоюзом Общей внешней политики и политики безопасности. Вслед за переходом от экономического интеграционного объединения и валютного союза к становлению политического союза происходит ускоренная трансформация ЕС уже в военно-политическое образование. Эти особенности во многом объясняют изменения, привнесенные обновленной в 2023 г. Концепцией внешней политики России в позицию страны на европейском направлении. Цель предпринятого автором исследования – выявить на основе комплексного применения общенаучных методов анализа, синтеза, междисциплинарного и формально-юридического подхода особенности и причины возникновения этих новых говорящих за себя составляющих в практике реализации внешних компетенций ЕС, рассмотреть их обоснование в контексте обострившейся глобальной конкуренции юрисдикций и установить влияние на современную эволюцию международной правосубъектности этого интеграционного объединения.

Ключевые слова: внешние компетенции, договорно-правовая практика, Европейский союз, конкуренция юрисдикций, международно-правовая ответственность, субъект международного права

Для цитирования: Лаптёнок В. О. Ключевые детерминирующие факторы реализации Европейским союзом внешних компетенций // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 27–40. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_27.

EUROPEAN UNION EXTERNAL COMPETENCES PRACTICE KEY DETERMINANTS

Laptsenak Violetta

Post-graduate, Moscow State Institute (University) of International Relations (MGIMO) (Moscow),
ORCID: 0000-0002-5450-869X, viola160596@gmail.com.

The European Union supranational authorities abandoning the previously indisputable key foreign policy taboos on the supply of lethal weapons to third countries engaged in an armed conflict is a new element in the Union foreign policy, indicative of Brussels' renunciation of a balanced approach to the key areas of its global strategy implementation, emblematic of a qualitative transformation in the hierarchy of EU regulatory priorities and suggestive of a changing nature of the Common Foreign and Security Policy pursued by the European Union. Jumpstarted from a mature project of economic integration and a monetary union, the EU as a nascent political entity is rapidly evolving into a military-political polity. Prompting revision of Russia's Foreign Policy Concept updated in 2023, these developments largely explain the changes in

this country's stance on further development of the European project. The purpose of the author's ensuing deliberations, based on synergy of general scientific analysis and synthesis, interdisciplinary and formal-legal approach, is to highlight the telling new elements in the EU external competencies practice, consider their validity mindful of a spiralling global competition of jurisdictions and identify the impact on current evolution of the EU international legal personality.

Key words: external competencies, contractual and legal practice, European Union, competition of jurisdictions, responsibility under international law, subject of international law

*For citation: Laptsenak V. (2023) European Union external competences practice key determinants. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 27–40, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_27.*

Евросоюз создавался с расчетом на «идеальные», в том числе внешние условия развития. В роли субъекта международных отношений эта региональная интеграционная группировка на протяжении десятилетий выступает одновременно как фактор, подсистема и один из центров формирования мирового правового пространства. С момента своего возникновения, наряду с задачами обеспечения стабильного собственного роста и процветания, ЕС принял на себя «пионерскую» миссию проложить путь, демонстрирующий другим региональным интеграционным объединениям перспективу трансформации в глобальные субъекты генерирования правовых норм и стандартов, формирующие мировой порядок.

Правовые основы европейской интеграции, сформулированные в Договоре о функционировании Европейского союза (ДФЕС), и проявившиеся в ходе ее реализации особенности представляют практический интерес для других региональных объединений, в том числе с участием России. Они повлияли – пусть в разной степени¹ – и продолжают оказывать свое воздействие на формирование правовых систем интеграционных инициатив в Африке, Азии и Латинской Америке. Ближе всего по уровню интеграции подошел к ЕС Евразийский экономический союз.

«Коллективная идентичность» большинства других региональных образований не предусматривает, как правило, формирования наднациональных органов с компетенциями, которыми обладает Евросоюз. Даже в рамках институциональных структур его «ключевого партнера»² среди региональных интеграционных проектов – Африканского союза, где узнаваемы отдельные элементы и принципы, заимствованные у ЕС, речь не идет о нормативной деятельности на наднациональном уровне, и принятие решений осуществляется в межправительственном формате. Равным образом, в МЕРКОСУР, где сформирована своя интеграционная система права и ощутима тенденция к усилению наднациональных начал³, учрежденный с 2005 г. Парламент (Парласур) на данном этапе рассматривается экспертами скорее как орган межправительственного взаимодействия, нежели наднациональный⁴, и в целом преобладают координационные функции.

Внешняя деятельность Европейского союза на разных направлениях подразделяется на «сферы компетенции», каждая из которых обладает собственным предметом ведения и дифференцирована по объему охвата, секторальной принадлежности и специфике решаемых проблем и задач. В реализации внешних компетенций праву

¹ *Tatham A. F. The Influence of CJEU Decisions on Other Regional Courts // Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда: сб. материалов междунар. конф. Суда Евразийского экономического союза (г. Минск, 17–19 ноября 2021 г.) / отв. ред. А. С. Бугаева. Минск: Колорград, 2022. С. 128.*

² *State of the Union 2020 Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary. European Commission – Speech/20/1655. 16 September 2020. P. 12 // European Commission Official Website. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/ov/SPEECH_20_1655 (дата обращения: 17.05.2023).*

³ *Рафалюк Е. Е., Залоило М. В., Власова Н. В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 105.*

⁴ *Шебанова Н. А. МЕРКОСУР: Правовые аспекты создания и функционирования новой латиноамериканской интеграции // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 3. С. 61.*

отведена особая роль. Сформированная в результате его эволюции целостная собственная наднациональная «органичная правовая система»¹ и широкие полномочия наднациональных институтов ЕС на внешние действия, изложенные в части пятой Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС), – фактор, обеспечивающий Евросоюзу ощутимые преимущества в глобальном состязании юрисдикций.

Внешняя компетенция Евросоюза, как это определено в разделе I части первой ДФЕС, возникает на том или ином направлении, если: а) учредительный Договор прямо наделяет ею Евросоюз; б) такая компетенция подразумевается и в соответствии с принципом ERTA вытекает из полномочий, прямо предоставленных на основе внутреннего права ЕС либо в) необходима для реализации определенной цели, сформулированной в Договоре в рамках этих внутренних полномочий; г) когда в отсутствие указанных выше оснований возможно обращение – в интересах достижения поставленных Договором целей – к ст. 352 ДФЕС, и предполагаемые меры утверждены Советом ЕС в соответствии с установленной процедурой. В то же время нормы, определяющие внешние компетенции, юристы относят к разряду наиболее дискуссионных в праве ЕС.

Реализация этих норм, принципов и полномочий в рамках Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) регламентирована ст. 21 раздела V Договора о Европейском союзе (ДЕС) и подчинена стратегическим установкам интеграционного объединения, периодически уточняемым его наднациональными инстанциями. Нерешенные проблемы формируют целеполагание и правовое обоснование сменяющих друг друга стратегий, задавая новую повестку на каждом очередном этапе. Первоначальная Европейская стратегия безопасности (2003) уступила место более комплексной Глобальной стратегии ЕС (2016)², которую в свою очередь сменил Стратегический компас (2022)³, призванный обеспечить Евросоюзу достижение стратегической автономии и коллективного стратегического суверенитета.

Динамичная адаптация права Союза к меняющимся внешним условиям направлена на достижение им де-факто статуса равновеликого субъекта международных отношений во взаимосвязанной системе глобального управления, объединяющей «международные режимы – межправительственные организации – суверенные государства – транснациональные корпорации», которую ЕС готов дополнить региональной составляющей.

Модель встраивания права ЕС в международную архитектуру юрисдикций можно условно свести к четырем основным векторам: а) правовое закрепление равноправных отношений с ключевыми партнерами-союзниками по Евро-Атлантическому и Тихоокеанскому блоку (Австралией, Канадой, США, Японией и др.); б) гибкое балансирование в отношениях и оптимизация правовых основ взаимодействия с ведущими странами восходящей экономики (Китай, Россия, другие страны БРИКС, G20); в) формирование отношений зависимости с большинством остальных стран мира, где ЕС пытается первенствовать и внедрять свои нормы и ценности, в том числе через международно-правовые режимы – торговли, смягчения последствий изменения климата и др.; г) взаимодействие с «недееспособными государствами», в отношении которых апробируются разнообразные механизмы внешнего управления под прикрытием норм международного права.

Многочисленные виды соглашений об ассоциации, партнерстве, продвинутом сотрудничестве выполняют роль инструмента в арсенале средств продвижения и нормативно-правового закрепления в договорно-правовом порядке прагматичных условий взаимодействия ЕС с третьими странами. Зачастую такая практика оборачивается маргинализацией правовых режимов наименее развитых стран и в итоге ущемлением их экономических интересов, консервируя их отсталость.

¹ Laffan B. The European Union: A Distinctive Model of Internationalisation? // European Integration Online Papers. 1997. 26 October. Vol. 1. № 18. P. 4.

² Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe: A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union Global Strategy. June 2016. 60 p.

³ A Strategic Compass for Security and Defence. For a European Union that Protects its Citizens, Values and Interests and Contributes to International Peace and Security. Strategic Communications, European Union External Action, 24 March 2022. 62 p. // Official Website of the European Union. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (дата обращения: 16.06.2023).

Наряду с правовой регламентацией отношений с третьими странами, внешние компетенции ЕС в значительной части сосредоточены, как это предусматривает ст. 21(1) и (2)(h) ДЕС, также на взаимодействии с межправительственными международными и региональными организациями. Система отношений с ключевыми многосторонними институтами и иными ведущими субъектами международных отношений – инструмент привлечения дополнительных внешних ресурсов и их подчинения задачам поддержания социально-экономической динамики Евросоюза. В этом процессе право в значительной мере выполняет вспомогательную роль по закреплению в юридической форме и поддержанию определенной системы отношений¹.

Это диктует участникам модели поведения, исходя из норм, принципов, подходов и «идеологии»² взаимно пересекающихся комплексов³ международно-правовых режимов⁴, предполагая взаимный перекрестный надзор между ними⁵ в сферах функциональной и профессиональной специализации (международное морское публичное право, право в области прав человека и т. д.). ЕС стремится участвовать во всех этих процессах, продвигая свои нормы и стандарты через разные форматы международного взаимодействия. Эта работа поставлена на системную основу.

Будучи результатом «усреднения» весьма высокого уровня достижений своих работников – наиболее развитых стран Европы, – договорно-правовые нормы, правовые принципы, технические регламенты и стандарты наднационального права ЕС, несомненно, являются высококонкурентными по сравнению со стандартами, принятыми странами других интеграционных группировок, и в ряде отношений могут вышиться над «усредненными» стандартами специализированных международных правовых режимов, действующих на глобальном уровне. Хотя лидирующие страны других регионов, например Североамериканского или Азиатского, совершившие «технологический прорыв» в шестой технологический уклад, диктуют собственные условия в своей части мира. Со своей стороны, отстаивая собственный технологический суверенитет, страны ЕС, реализуя переход на цифровые основы экономики, сделали ставку и реально задают стандарт в сфере правовой и материальной защиты персональных данных, конфиденциальности финансово-экономических показателей деятельности корпораций, методов и правил обеспечения функционирования формируемого Евросоюзом единого цифрового рынка.

В этой «гонке юрисдикций» лидер получает преимущества при продвижении своей продукции и услуг на внешние рынки, одновременно защищаясь от менее технологичных конкурентов всевозможными техническими, нетарифными, социальными, экологическими и иными ограничениями. Среди инструментов защиты в этом процессе – патентное право и право интеллектуальной собственности, ограждающие ноу-хау лидирующих стран от беспрепятственного использования конкурентами и менее развитыми странами, которым предлагаются модели «догоняющего развития». Ведущие державы обеспечивают себе тем самым эксклюзивные преимущества основного поставщика на внешние рынки высокотехнологичного оборудования, товаров и услуг. Остальные участники международных обменов оказываются если не в «технологической западне», то в догоняющей позиции и вынуждены ускоренными темпами наращивать собственный потенциал либо довольствоваться отдельными уступками со стороны лидера.

Учитывая столь системный подход ЕС на наднациональном уровне, наблюдаемая в прецедентной практике Суда ЕС (СЕС) тенденция к расширительному толкованию внешних полномочий Союза с настороженностью воспринимается на национальном

¹ Международное право: учеб. для бакалавров / отв. ред. П. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М.: Статут, 2017. С. 275.

² Regime Interaction in International Law: Facing Fragmentation / ed. by M. A. Young. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 1. DOI: 10.1017/CBO9780511862403.001.

³ Keohane R., Victor D. The Regime Complex for Climate Change // Perspectives on Politics. 2011. Vol. 9. P. 7.

⁴ Режимы – это «комплексы явных и неявных принципов, норм, правил и процедур принятия решений, отражающих совпадающие ожидания акторов в данной области международных отношений». См.: Krasner S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organisations. Cambridge University Press. 1982. Vol. 36. № 2. P. 188.

⁵ Young M. A. Chapter 4. Fragmentation, Regime Interaction and Sovereignty // Sovereignty, Statehood and State Responsibility: Essays in Honour of James Crawford / ed. by C. Chinkin, F. Baetens. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 73. DOI: 10.1017/CBO9781107360075.008.

уровне¹. Достаточно широкий разброс мнений в экспертном сообществе относительно степени соответствия практической реализации внешних компетенций ЕС на ряде направлений требованиям международного права придает особую остроту этому аспекту деятельности ЕС и его наднациональных институтов. Тем более, что одна из важнейших особенностей реализации Брюсселем внешних компетенций состоит в том, что и Евросоюз, и его государства-члены выступают как субъекты международного права и международных отношений, действуя параллельно.

Правовое поле внешних компетенций ЕС отражает баланс полномочий его наднациональных институтов в соотношении с внешнеполитическими шагами государств-членов. Евросоюз получает таким образом возможность гибко подходить к своему участию в тех или иных процессах, происходящих в мире: то в качестве единого субъекта международного права, то на уровне государств-членов.

Вместе с тем и внешние партнеры ЕС имеют возможность дифференцированно выстраивать отношения с Европейским союзом и его государствами-членами, точно так же – «зеркально» – взаимодействуя либо с Союзом в целом, либо с отдельными из его членов. Последнее обстоятельство позволяет внешним партнерам ЕС играть на очевидных – и в ряде случаев неизбежных – расхождениях в позиции отдельных государств-членов ЕС. А это ослабляет позиции Евросоюза в качестве «единого субъекта» международного права и международных отношений. В последние годы растущим числом западных экспертов отмечалась тенденция ко все большему восприятию Брюсселя как «нисходящего центра»² нормативного влияния.

Если раньше Евросоюз воспринимался исключительно как «фокус притяжения», и в этом ему содействовало реноме приверженца правовых основ отношений с партнерами, то после Брексита и в условиях нарастающих внутренних противоречий между «либеральными демократиями» и особой позицией демократий «нелиберальных» (Польша, Венгрия) позиции Брюсселя, утрачивающего внутреннюю стабильность, пошатнулись. Причем кардинальным образом, поскольку прямая конфронтация между Конституционным судом Польши и Люксембургским Судом ЕС по поводу польской судебной реформы и оспаривания Варшавой верховенства наднационального права ЕС над польским национальным законодательством приобрела крайне острую форму. Реагируя, Брюссель ввел штрафные санкции против Варшавы в размере 1 млн евро ежедневно.

По мере расширения сферы охвата внешних компетенций, реализуемых Евросоюзом и его государствами-членами, все более актуальный характер приобретают отдельные правовые и гносеологические грани «гибридной» природы международной правосубъектности ЕС (ни государство, ни международная организация; ни федерация, ни конфедерация). Актуальной темой зарубежных и отечественных исследований становится выяснение: а) насколько специфика этого явления вписывается в систему государствоцентричного международного права (сам Евросоюз собственное наднациональное право наделил статусом, возвышающим его над международным правом); б) насколько велико влияние права ЕС на формирование международно-правовых режимов и норм «транснационального права» в рамках международных межправительственных организаций; в) каким образом – применительно к текущей ситуации на европейском континенте – намерен Евросоюз решать задачи «поддержания мира, предотвращения конфликтов и укрепления международной безопасности», предписываемые ему ст. 21(3) ДЕС; г) каковы пределы трансформации внешних компетенций ЕС и др.

Негативные оценки третьими странами договорно-правовой практики Евросоюза вызывает его стремление добиваться для себя особых условий и уступок, закрепляемых в двусторонних договорах и соглашениях в многостороннем формате в виде «клаузул эксклюзивности» ЕС, а также применяемых им оговорок относительно некоторых договорных положений. Как правило, такие требования аргументируются «осо-

¹ Лифшиц И. М. Членство Европейского союза в международных организациях в контексте его правосубъектности // Московский журнал международного права. 2019. № 1. С. 59. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-54-67.

² Bredford A. The EU as a Regulatory Power // Connectivity Wars: Why Migration, Finance and Trade are the Geo-Economic Battlefields of the Future / ed. by M. Leonard. L.: European Council on Foreign Relations / Stiftung Mercator, 2016. P. 133–139.

бым статусом» европейского права, его «автономией» и приматом, которым наделил его ЕС по отношению к международному праву. Полученные таким образом преференции и «ослабления» договорно-правового режима облегчают европейским корпорациям доступ на внешние рынки, а политическим институтам – внедрение своих моделей организации общества среди внешних партнеров. Применительно к отношениям с менее развитыми государствами итогом зачастую является установление внешнего контроля более продвинутых стран над их производственными и технологическими процессами, если не над всей системой управления, уход звеньев производственных цепочек многонациональных корпораций, размещенных на территории третьих стран, из-под действия их национального законодательства и т. п.

С осязаемыми проблемами в этом отношении столкнулся Евросоюз в 2015 г. при разрешении вышедшего в тот момент на «пик» миграционного кризиса. Нарастание неконтролируемых потоков нелегальной миграции вылилось в настолько острую проблему, что стало оказывать серьезное влияние не только на политику ЕС в сфере безопасности, но и на всю его внешнюю политику. Признание прежней системы предоставления убежища гражданам третьих стран «неработающей»¹ и защитный рефлекс побудили Евросоюз к вынесению значительной части функций миграционного контроля на «внешний периметр». Это существенно сузило возможности Брюсселя диктовать свои условия регулирования взаимоотношений в этой области, например, со странами Южного Средиземноморья², хотя не только. Сложности в отношениях с «менее мотивированными» в этом отношении к уступкам третьими странами проявились в практике применения принципа обусловленности при оформлении Евросоюзом так называемых соглашений о мобильности. Возросшее стратегическое значение для ЕС прилегающих к его границам стран и стран транзита нелегальных миграционных потоков с точки зрения смягчения остроты кризиса предоставило возможность внешним партнерам ЕС ужесточить встречные условия при подписании таких соглашений.

Современная практика реализации внешних компетенций Европейского союза свидетельствует: присущий Брюсселю пруденциальный подход к обоснованию принимаемых политических решений почти не препятствует их нарастающей радикализации. Коллизия глобальных стратегий и их правовой интерпретации участниками происходящих в Европе событий, усиливая поляризацию оценок происходящего, чревата негативными последствиями для самого Евросоюза. Позиция ЕС по «украинскому вопросу» и отношение к событиям в этой стране – одна из иллюстраций практической реализации «принципов европейского права» в экстремальной ситуации.

С февраля 2022 г. ключевым направлением реализации внешних компетенций Евросоюза стала консолидация усилий государств-членов в области обороны и безопасности. Фокус внимания в осуществлении внешних компетенций ЕС все более смещается в сферу военного сотрудничества, наращивания военно-промышленного комплекса, совершенствования систем новейших вооружений и их испытания в условиях реальных боевых действий.

В сфере Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), где в соответствии со ст. 26 ДЕС все важнейшие вопросы, включая стратегию и руководящие принципы ее осуществления, решаются на уровне Европейского совета, отменяется одно табу за другим³. Впервые в рамках Европейской оборонной инициативы, призванной обеспечить автономию ЕС в этой сфере, Евросоюз приступил к закупке, разработке и экспортным поставкам вооружений, в том числе предназначенных для третьих стран, вовлеченных в вооруженный конфликт⁴. Финансирование возможно-

¹ Пакт о миграции и предоставлении убежища – основа для обновления миграционной политики // Официальный сайт ЕСВД. 2020. 25 сент. URL: <https://www.eeas.europa.eu/eeas/> (дата обращения: 22.05.2023).

² *Balfour R.* EU Conditionality after the Arab Spring. European Institute of the Mediterranean. EuroMeSCo. Paper 16. 2012. P. 16.

³ *Borrell J.* Further Measures to Respond to the Russian Invasion of Ukraine. Press Statement by High Representative. Vice-President. Brussels. 2022. 27 February. P. 1 // Official Website of the European Union. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/further-measures-respond-russian-invasion-ukraine-press-statement-high-representativevice_en (дата обращения: 03.05.2023).

⁴ Statement by President von der Leyen on further measures to respond to the Russian invasion of Ukraine. Brussels. Statement/22/1441. 2022. 22 February. P. 1 // European Commission: Official Website. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_22_1441 (дата обращения: 03.05.2023).

сти третьих государств реагировать военными средствами на кризисные ситуации и наращивания военно-оборонительного потенциала региональных и международных организаций заложено в соответствии со ст. 1(2), пп. (b)(i) и (b)(ii), а также ст. 56(1) Решения 2021/509 (CFSP) в бюджет Европейского фонда мира – внебюджетного механизма, учрежденного в 2021 г.¹ Этот последний призван «повысить роль ЕС как гарант международного мира, безопасности и предотвращения конфликтов»².

Сняты ограничения на поставки Евросоюзом летальных вооружений³ в вовлеченную в военный конфликт страну. Европейский совет также впервые заявил о выделении финансирования на приобретение и поставку летального оружия на Украину⁴. Решением Совета (CFSP) 2023/810 от 13 апреля 2023 г. размер финансирования на эти цели доведен до 4,12 млрд евро с расчетом на поставку Украине 1 млн артиллерийских снарядов, а при необходимости и ракет, в течение предстоящего года⁵.

Обращаясь 1 марта 2022 г. к Европейскому парламенту, председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен охарактеризовала «использование европейского бюджета для закупок и поставки военной техники» в третью страну, находящуюся в состоянии вооруженного конфликта, как «переломный момент» в эволюции Европейского союза, «зарождавшегося как экономическое сообщество»⁶. Отказ Евросоюза от этих прежде ключевых табу действительно позволяет говорить об элементах эволюции ЕС не только от экономического и валютного союза к политическому, но уже и к военно-политическому.

В любом случае, даже если международное право и допускает – при определенных обстоятельствах и соблюдении соответствующих обязательств – возможность поставок оружия третьим странам, передача смертоносных видов вооружений в третью страну, вовлеченную в военный конфликт, рассматривается согласно праву вооруженных конфликтов как поведение, которое исключает нейтралитет поставщика. В соответствии со ст. 5 V Гагской конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны 1907 г. и ст. 6 XIII Гагской конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны 1907 г. нейтральные страны обязаны воздерживаться от оказания прямого или косвенного содействия участникам вооруженного конфликта в виде военных поставок или оказания услуг. Отступление от этого требования лишает в соответствии с правом нейтралитета такое государство неприкосновенности его суверенной территории, включая территориальные воды и воздушное пространство⁷.

Считающаяся в значительной степени кодификацией обычного права войны XIII Гагская конвенция (ст. 6) предусматривает: «Передача, по какому бы то ни было основанию, прямо или косвенно, нейтральной державою державе воюющей – военных судов, боевых припасов или всякого военного материала, воспрещается». Как представляется, применительно к указанным действиям ЕС это означает окончательную – в юридическом отношении – утрату Евросоюзом оснований претендовать на нейтральный статус в отношении событий на Украине. А вовлеченность в них его государств-членов, входящих в состав НАТО, автоматически означает и вовлеченность самого Североатлантического альянса.

¹ *Michaels D.* EU to Fund Purchase of Weapons for First Time and Ban Entry of Russian Planes into EU Airspace // *The Wall Street Journal*. 2022. 28 February.

² Art. 1(2) and 56, Council Decision (CFSP) 2021/509 of 22 March 2021 Establishing a European Peace Facility (EPF), and Repealing Decision (CFSP) 2015/528 // *Official Journal*. 2021. 24 March. L102/18, L102/45-46; Council Decision (CFSP) 2023/577 of 13 March 2023 Amending Decision (CFSP) 2021/509 Establishing a European Peace Facility // *Ibid.* 2023. 14 March. L75/23-25.

³ *Borrell J.* Op. cit.

⁴ Art. 1(3) Council Decision (CFSP) 2022/338 of 28 February 2022 on an Assistance Measure under the European Peace Facility for the Supply to the Ukrainian Armed Forces of Military Equipment, and Platforms, Designed to Deliver Lethal Force // *Official Journal*. 2022. 28 February. L60/2.

⁵ Council Decision (CFSP) 2023/810 of 13 April 2023 Amending Decision (CFSP) 2022/338 on an Assistance Measure under the European Peace Facility for the Supply to the Ukrainian Armed Forces of Military Equipment, and Platforms, Designed to Deliver Lethal Force // *Ibid.* 2023. 14 April. L101/64-65.

⁶ Speech by President von der Leyen at the European Parliament Plenary on the Russian Aggression against Ukraine. Brussels. Speech/22/1483. 1 March 2022. P. 1 // European Commission Official Website. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/da/speech_22_1483 (дата обращения: 03.05.2023).

⁷ Статьи 1–3 V Гагской конвенции; ст. 1–5 XIII Гагской конвенции.

К весне 2023 г. 30 зарубежных стран поставляли летальные виды вооружений на Украину¹. В отсутствие выраженных в явном виде объяснений со стороны ряда таких государств (что уже само по себе может являться объектом правовой оценки) интерпретация соответствия таких действий требованиям и положениям права нейтралитета отдана на усмотрение правоведов и юристам-международникам². Дихотомия «соответствие-несоответствие» праву нейтралитета может быть рассмотрена с позиций сопоставления сохранения нейтралитета (благожелательный (позитивный) нейтралитет / несовершенный нейтралитет; изъятия в отношении некоторых видов нелетальных вооружений; отказ от поставок оружия) либо нарушения нейтрального статуса (с мотивирующей ссылкой на обстоятельства, требующие пресечения противоправных действий и оправдывающие применение контрмер и коллективной самообороны).

Возникает, однако, необходимость выяснения, когда – с точки зрения международного права – та или иная страна или группа стран могут рассматриваться как «воюющая сторона». Проблема имеет концептуальный характер, поскольку международно-правовое регулирование правил ведения войны выстраивается в значительной степени именно вокруг этого понятия («воюющая сторона»). Хотя с правовой точки зрения, как полагают некоторые зарубежные правоведы, в настоящее время понятия «быть стороной» и «находиться в состоянии войны» трактуются по-разному³.

Коллизия правовых интерпретаций возникает уже при обосновании практики поставок тех или иных видов вооружений изъятиями, допускаемыми самим регламентирующим международно-правовым режимом. Потому встает вопрос о критериях, которые бы позволяли четко и однозначно определять с международно-правовой точки зрения, вступила ли та или иная страна в международный вооруженный конфликт.

Верховному представителю Союза по иностранным делам и политике безопасности поручено «принять необходимые меры по обеспечению соответствия действий, предпринимаемых бенефициарием (получателем летального оружия), требованиям международного права, в том числе международных стандартов в области прав человека и требований международного гуманитарного права»⁴. Достаточно двусмысленное поручение в свете фронтовых сводок. Указывая на несовершенство международного права в сфере регулирования международной торговли оружием, специалисты отмечают, что это не позволяет исключить возможность поставок вооружений даже в том случае, когда заведомо известно о высокой вероятности его предстоящего использования вразрез с нормами и принципами международного гуманитарного права⁵.

Это придает сложившейся ситуации провокационный подтекст. Учитывая объявленную Россией цель специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, участие, например, Германии в принятии Евросоюзом решения о поставках летального оружия третьей стране может при определенных обстоятельствах рассматриваться как подпадающее под действие ст. 106 и 107 Устава ООН со всеми вытекающими для Берлина по смыслу п. 3 Декларации четырех держав (1943) последствиями (возможность использования «всех мер»)⁶.

В порядке обоснования своей позиции по поставкам вооружений Украине ЕС апеллирует к праву международной ответственности, ссылаясь на проекты Статей об

¹ *Bartolini G.* The Law of Neutrality and the Russian/Ukrainian Conflict: Looking at State Practice // *European Journal of International Law Blog*. 2023. 11 April. P. 1.

² *Clancy P.* Neutral Arms Transfers and the Russian Invasion of Ukraine. *British Institute of International and Comparative Law // International & Comparative Law Quarterly*. First View. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 1. DOI: 10.1017/S0020589323000064.

³ *Wentker A.* At war? Party Status and the War in Ukraine // *Leiden Journal of International Law*. First View. 2023. 22 February. P. 1. DOI: 10/1017/S0922156522000760.

⁴ Art. 3(1) Council Decision (CFSP) 2022/338.

⁵ *Vroege B.* Exporting Arms over Values: The Humanitarian Cost of the European Defence Fund // *European Papers*. 2021. Vol. 6. № 3. P. 1575. DOI: 10.15166/2499-8249/539.

⁶ Московская декларация 1943 г. – Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности (принята в Москве 30 октября 1943 г.). Международные документы периода Великой Отечественной войны. Вып. III. 1943 г. Ч. 2 (июль – декабрь). М., 1944. С. 63 // Электронная библиотека исторических документов: офиц. сайт. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/210630> (дата обращения: 23.04.2023).

ответственности государств¹ (СОГ, 2001) и Статей об ответственности международных организаций² (СОМО, 2011). Основным аргумент ЕС – ст. 48 СОГ и ст. 49 СОМО (серьезные нарушения обязательств, установленных для защиты коллективных интересов международного сообщества, дают право каждому члену этого сообщества, будь то государство или международная организация, призвать правонарушителя к ответственности).

Опираясь на эти два свода статей, Евросоюз оправдывает свою позицию тем, что они устанавливают обязанность каждого государства и каждой международной организации содействовать пресечению серьезного подрыва интересов и устоев международного сообщества в целом (*jus cogens*), среди которых, прежде всего, запрет на применение силы (ст. 41 СОГ и ст. 42 СОМО). Собственные санкционные меры ЕС классифицирует как «действия в рамках коллективной самообороны» с целью «пресечения законными средствами нарушения императивной нормы – запрета на применение силы». Между тем возможность региональных группировок выступать от имени всего международного сообщества без мандата Совета Безопасности ООН в международном праве четко не оговорена. Нейтрализация чреватых «угрозой региональных конфликтов и мировой войны» устремлений «любых государств и межгосударственных объединений... присваивать себе преимущественную ответственность за поддержание международного мира и безопасности» – одно из ключевых направлений усилий России в рамках принятой в 2023 г. Концепции внешней политики³.

Как бы то ни было, отказ ЕС от упомянутых табу может радикально изменить роль ЕС на международной арене. Евросоюз принимает на себя расширенные полномочия и «более высокую ответственность в урегулировании крупных международных конфликтов»⁴. Это абсолютно новый элемент в реализации внешних компетенций и политике ЕС.

Показательным является пересмотр Брюсселем собственных ограничений по отношению к кандидатам на вступление в ЕС. Новые концептуальные подходы ЕС, еще более «дифференцированное», чем прежде, отношение Союза к критериям участия в европейской интеграции новых кандидатов и «подгонка» критериев соответствия под «политическую конъюнктуру» получили отражение в рамках приготовлений к ускоренному решению вопроса о вступлении Украины в ЕС и НАТО. Неурегулированность территориальных споров, нахождение в состоянии военной конфронтации, а теперь еще и полной разрухи экономики, хотя и абсолютно расходятся с установленными Копенгагенскими критериями⁵ на вступление в Евросоюз ст. 6(1) и 49 ДЕС и Декларацией Европейского совета в Копенгагене (1993)⁶, уже не рассматриваются как непреодолимое препятствие. Юридическая интерпретация этих критериев все более уступает место политическим соображениям. Хотя даже выход на полное со-

¹ Док. А/56/10. Доклад Комиссии международного права о работе ее 53-й сессии (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 г.). Проекты Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Ежегодник Комиссии международного права, 2001. Т. II. Часть вторая. А/CN.4/SER.A/2001/Add.1 (Part 2). Доклад Комиссии Генеральной Ассамблеи о работе ее 53-й сессии. Нью-Йорк; Женева, 2007. С. 26–256.

² Док. А/66/10. Дополнение № 10, пп. 80–84. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. 66-я сессия; Док. А/63/10. Дополнение № 10. Доклад Комиссии международного права. 60-я сессия (5 мая – 6 июня и 7 июля – 8 августа 2008 г.). Проекты Статей об ответственности международных организаций, принятый Комиссией до настоящего времени в предварительном порядке. Нью-Йорк, 2008. С. 279–322.

³ Пункт 24(2) Указа Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

⁴ Enzo C., Rasi A. Europe at War. Editorial // *European Papers*. 2021. Vol. 6. № 3. P. 1523–1525. DOI: 10.15166/2499-8249/540.

⁵ Предполагают: а) стабильность институтов, гарантирующих демократию, верховенство права, права человека и уважение и защиту меньшинств; б) функционирующую рыночную экономику и способность справляться с конкурентным давлением и рыночными силами в ЕС; в) способность принимать на себя обязательства членства, включая способность эффективно применять правила, стандарты и политику, составляющие свод права ЕС («*acquis*»), и приверженность целям политического, экономического и валютного союза.

⁶ Accession criteria (Copenhagen criteria) // Official Website of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/accession-criteria-copenhagen-criteria.html> (дата обращения: 17.06.2023).

ответствие Копенгагенским критериям – еще не гарантия практического решения, поскольку все в итоге зависит еще и от «способности ЕС принять новых членов»¹.

Контакты ЕС с Украиной и другими странами, уже обладающими или только еще претендующими на такой же, как у нее, статус кандидата на вступление в ЕС², стимулирование их заблаговременного перехода на нормы и стандарты Союза, гармонизации и адаптации своего национального законодательства к требованиям законодательства Евросоюза используются Брюсселем для подведения этих стран к «точке невозврата». Инструментом «транзита» являются соглашения об ассоциации, партнерстве, стабилизации и др. При этом на кандидатов на вступление в ЕС, а во многих отношениях – и на «кандидатов в кандидаты» распространяется обязательство проводить единую внешнюю политику с ЕС. Подпись третьей страны под соглашением об ассоциации с ЕС уже подразумевает внедрение в ее национальное законодательство европейских нормативов, которые подлежат имплементации в юрисдикцию нового подписанта.

Как подобная «гибкость» подходов и возрастающее влияние политической конъюнктуры сказываются и еще могут сказаться на внешнем восприятии Евросоюза и реализации осуществляемой им стратегии действий, позволяет судить уже само сопоставление рассматриваемых здесь, зачастую диаметральных, экспертных оценок. Принцип соразмерности политико-правовых амбиций реальному ресурсному потенциалу – ключевой ограничитель во внешней политике Брюсселя. Характерна в этом плане позиция довольно многих военных аналитиков, склонных полагать, что наблюдаемый в настоящее время «обратный разворот» США к Европе и возросшее здесь американское военное присутствие обрекают на заведомую неудачу планы ЕС на достижение упомянутой выше стратегической автономии³. Это предполагает искусное маневрирование между ведущими «правовыми полюсами» мира, что делать становится все труднее.

Резко изменившаяся обстановка на европейском континенте и меняющийся под воздействием «политической конъюнктуры» характер взаимоотношений между Россией и ЕС, а также с другими ведущими странами придают «новое измерение» стратегии ЕС в глобальной конкуренции юрисдикций. Новый смысл и значение получают все или почти все аспекты реализуемых Евросоюзом внешних компетенций и их правового обоснования. Те качества, которые были важны и имели решающее значение в более-менее устоявшихся условиях на протяжении последних трех десятилетий, в том числе в сфере конкуренции юрисдикций, «меняют свой вес» под воздействием стремительно изменяющейся обстановки в мире.

Они будут оцениваться «внешними наблюдателями» с новых позиций, в том числе сквозь правовую призму анализа событий на европейском континенте. В этой ситуации третьи страны и международные организации – теперь уже под несколько иным углом зрения – могут и будут рассматривать и оценивать роль и значение Европейского союза в мировой политике и формировании разных направлений международно-правовой повестки дня. А значит, могут и иначе, чем ранее, относиться к самим правовым нормам и стандартам, закладываемым Евросоюзом в основу не только «соглашений по мобильности», но и других договорно-правовых актов с внешними партнерами, особенно в обстановке глобальных финансово-экономических, энергетических, продовольственных и иных кризисов, конфликтных ситуаций и правовых коллизий.

¹ Par. 14, European Council Meeting (23 and 24 June 2022) – Conclusions: Section III (Membership Applications of Ukraine, Moldova and Georgia), EUCO 24/22. CO EUR 21 CONCL 5. Brussels, 24 June 2022. P. 2 // European Council Official Site. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/57442/2022-06-2324-euco-conclusions-en.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

² Перспектива членства в ЕС в обмен на глубокие структурные преобразования предложена Албании, Боснии и Герцеговине, Грузии, Косово, Северной Македонии, Молдавии, Сербии, Турции, Украине, Черногории. Решению вопроса о вступлении в ЕС Турции, наряду с неурегулированностью «курдского вопроса» и ряда других (непризнание геноцида армян в 1915 г., обязательства по защите персональных данных), препятствует осуществленная ею в 1974 г. оккупация северной части Кипра и оспаривание суверенитета южной части острова.

³ *Haroche P., Brugier C.* 2027: The Year of European Strategic Autonomy // *Groups d'études géographiques. Working Paper.* April 2023. P. 1; *Meijer H., Brooks S. G.* Illusions of Autonomy: Why Europe Cannot Provide for its Security if the United States Pulls Back // *International Security.* 2021. Vol. 45. № 4. P. 7–43.

Как почти единогласно указывают большинство отечественных и многие из западных исследователей, Евросоюз переживает экзистенциальный кризис. Преодоление внешних угроз вышло на первый план среди качественно новых задач реализации Евросоюзом внешних компетенций. А кардинальное изменение условий, как правило, является основанием и влечет за собой изменение правовых норм. Основа «правовой реинкарнации» и оперативной адаптации «принципов и целей» внешних действий ЕС в постоянно меняющемся мире заложена ст. 28(1) ДЕС.

На то, что Евросоюз уже давно ведет поиск приемлемых для него форм адаптации своих политико-правовых отношений к меняющимся внешним условиям и требованиям *Realpolitik*, указывают многие события. В официальных документах ЕС на регулярной основе стал использоваться термин «глобальный порядок, основанный на правилах», «подменяющий», – обращал внимание глава МИД России С. В. Лавров, – международное право и Устав ООН¹. Эта терминология использовалась в Глобальной стратегии ЕС (2016), Стратегии взаимодействия со странами Азии (2018), дополненной Стратегией «Глобального доступа» (2021); сохраняется и в уже упомянутом Стратегическом компасе (2022). В итоге в зависимости от их исхода может измениться не только сам образ Европейского союза, но и характер его восприятия в мире. Оно может оказаться как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Соответственно, могут по-разному трансформироваться и подходы третьих стран к правовым нормам и стандартам договорно-правовых отношений с ЕС. Россия, как отметил С. В. Лавров, уже «рассматривает ЕС в качестве недружественного объединения»².

Сегодня принципиально меняются подходы стран к международному взаимодействию. Если раньше глобальная взаимозависимость оценивалась в конструктивном ключе и считалась фактором экономического роста, расцвета и благополучия, то в нынешней обстановке нарастающего изоляционизма ряд государств проявляют все большую склонность воспринимать взаимозависимость как фактор разрушительной уязвимости и инструмент деструктивного взаимного сдерживания. Многие страны начали активно использовать свои «асимметричные связи и взаимозависимости» как инструмент влияния, а чаще всего, уже и прямого давления на внешних партнеров.

Каждая из сторон использует любые имеющиеся у нее преимущества – будь то военно-технологические, финансовые, информационные или же природные, сырьевые, демографические – как инструменты влияния. Ведущие державы используют в этом качестве всю совокупность контролируемых ими асимметричных глобальных взаимозависимостей. Доминирование в любой сфере либо ее целенаправленное разрушение создает новые геополитические реалии, которые, еще не имея устоявшихся механизмов правового регулирования, превращаются в «гибридное оружие» в руках лидера. Периодический бойкот или блокирование ведущими странами мира тех или иных механизмов международного взаимодействия, сознательный отказ отдельных стран от участия или исключение ими конкурентов из сложившихся международных режимов лишают мировое сообщество эффективных международно-правовых регламентирующих инструментов.

Использование Европейским союзом имеющихся взаимозависимостей в качестве инструмента такого влияния – реальный факт. Превращение допуска на европейский рынок, режима экспортного контроля, защиты прав интеллектуальной собственности, патентного права, правозащитной тематики, наконец, самих принципов демократии в «гибридные» инструменты давления на третьи страны и даже, пользуясь сравнением Урсулы фон дер Ляйен, в «оружие демократии»³ выполняет, по аналогии с «технологической западной» для менее развитых стран, функцию «правовой ловушки» уже для всех. Закладываемые ЕС в двусторонние договоры политически обусловленные требования в значительной степени сковывают европейскими регламентирующими нормами свободу правового маневра его внешних партнеров.

¹ Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе открытых дебатов СБ ООН на тему «Эффективная многосторонность через защиту принципов Устава ООН» 24 апреля 2023 г. // Официальный сайт Постоянного представительства РФ при ООН. URL: https://russiaun.ru/ru/news/240423_sc (дата обращения: 16.06.2023).

² Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова газете «Аргументы и факты» 4 апреля 2023 г. // Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1861490/ (дата обращения: 17.06.2023).

³ Speech by President von der Leyen.

Изучение оценок эффективности реализации Евросоюзом внешних компетенций лишь в последнее время начинает входить в круг исследовательских заданий зарубежных аналитических центров. Вплоть до недавнего времени в теории международных отношений ЕС даже в рамках сравнительных исследований в области международного права¹ вопросы оценки эффективности используемых Евросоюзом в этих целях инструментов и методов и их правового оформления оставались «в тени». Несколько в большей степени внимание этому аспекту периодически уделялось в отдельных европейских исследованиях².

Внутренние и внешние оценки качественных параметров внешнеполитического инструментария ЕС стали предметом рассмотрения в рамках предпринятого здесь анализа ввиду их несомненного значения как с теоретической, так и с прикладной точки зрения. Периодическая «инвентаризация» Евросоюзом входящих в этот арсенал инструментов и их «правового обрамления» – неотъемлемый элемент актуализации, уточнения и корректировки реализуемой им стратегии действий. Косвенно это свидетельствует о вступлении Евросоюза в новую фазу своей эволюции, когда уже сформировалось понимание далеко не беспредельных границ экспансии европейского интеграционного проекта и, следовательно, возрастающей зависимости его дальнейших перспектив от внешних факторов. Критерием (не)эффективности реализации Брюсселем внешних компетенций можно считать уже саму смену его правовых приоритетов и ориентиров, пересмотр подхода к их правовому обоснованию, снятие прежних запретов и придание сменившей их прежде не приветствуемой деятельности характера категорического экзистенциального императива. Предпринятый здесь анализ этой динамики, как представляется, подтверждает прикладное значение и целесообразность акцента на рассмотренных новых аспектах исследуемой темы.

В обстановке высокой состязательности правовых систем и режимов в глобальной конкуренции юрисдикций каждый из ее участников добивается максимального отражения собственных нормативных положений, правовых принципов и подходов, регламентов и стандартов в международно-правовых режимах. Ведущие державы оказывают давление на внешних партнеров, вынуждая их следовать в фарватере, в противном случае добиваются экстерриториального применения норм своего национального законодательства, понуждая остальных если не безоговорочно следовать его требованиям, то быть готовыми к штрафным санкциям.

Список литературы

Лифшиц И. М. Членство Европейского союза в международных организациях в контексте его правосубъектности // Московский журнал международного права. 2019. № 1. С. 54–67. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-54-67.

Международное право: учеб. для бакалавров / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М.: Статут, 2017. 496 с.

Рафалюк Е. Е., Залоило М. В., Власова Н. В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 103–113.

Шебанова Н. А. МЕРКОСУР: Правовые аспекты создания и функционирования новой латиноамериканской интеграции // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 3. С. 46–67.

Balfour R. EU Conditionality after the Arab Spring. European Institute of the Mediterranean. EuroMeSCo. Paper 16. 2012. 35 p.

Bartolini G. The Law of Neutrality and the Russian/Ukrainian Conflict: Looking at State Practice // European Journal of International Law Blog. 2023. 11 April. 9 p.

Bradley C. A. Foreign Relations Law as a Field of Study // American Journal of International Law. 2017. Vol. 111. P. 316–320. DOI: 10.1017/aju.2017.87.

Bredford A. The EU as a Regulatory Power // Connectivity Wars: Why Migration, Finance and Trade are the Geo-Economic Battlefields of the Future / ed. by M. Leonard. L.: European Council on Foreign Relations / Stiftung Mercator, 2016. P. 133–139.

¹ Bradley C. A. Foreign Relations Law as a Field of Study // American Journal of International Law. 2017. Vol. 111. P. 316–320. DOI: 10.1017/aju.2017.87.

² Chaban N., Headley J. Perceptions of the EU in its Eastern Neighbourhood: 30 Years on from the Collapse of the Soviet Union [Special Section (Part 1)] // European Foreign Affairs Review. 2021. Vol. 26. № 4. P. 553–558. DOI: 10.54648/eerr2021042; *idem*. Perceptions, Narratives and Attitudes: New Perspectives and Geographies in the Study of External Perceptions of the EU [Special Section (Part 2)] // Ibid. 2022. Vol. 27. № 1. P. 57–60. DOI: 10.54648/EERR2022004.

Chaban N., Headley J. Perceptions of the EU in its Eastern Neighbourhood: 30 Years on from the Collapse of the Soviet Union [Special Section (Part 1)] // *European Foreign Affairs Review*. 2021. Vol. 26. № 4. P. 553–558. DOI: 10.54648/eerr2021042.

Chaban N., Headley J. Perceptions, Narratives and Attitudes: New Perspectives and Geographies in the Study of External Perceptions of the EU [Special Section (Part 2)] // *European Foreign Affairs Review*. 2022. Vol. 27. № 1. P. 57–60. DOI: 10.54648/EERR2022004.

Clancy P. Neutral Arms Transfers and the Russian Invasion of Ukraine. British Institute of International and Comparative Law // *International and Comparative Law Quarterly*. First View. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 1–17. DOI: 10.1017/S0020589323000064.

Enzo C., Rasi A. Europe at War. Editorial // *European Papers*. 2021. Vol. 6. № 3. P. 1523–1525. DOI: 10.15166/2499-8249/540.

Haroche P., Brugier C. 2027: The Year of European Strategic Autonomy // *Groups d'études géographiques*. Working Paper. April 2023. 9 p.

Keohane R. O., Victor D. G. The Regime Complex for Climate Change // *Perspectives on Politics*. 2011. Vol. 9. № 1. P. 7–23.

Krasner S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // *International Organisations*. Cambridge University Press. 1982. Vol. 36. № 2. P. 185–205.

Laffan B. The European Union: A Distinctive Model of Internationalisation? // *European Integration Online Papers*. 1997. 26 October. Vol. 1. № 18. 17 p.

Meijer H., Brooks S. G. Illusions of Autonomy: Why Europe Cannot Provide for its Security if the United States Pulls Back // *International Security*. 2021. Vol. 45. № 4. P. 7–43.

Michaels D. EU to Fund Purchase of Weapons for First Time and Ban Entry of Russian Planes into EU Airspace // *The Wall Street Journal*. 2022 27 February.

Regime Interaction in International Law: Facing Fragmentation / ed. by M. A. Young. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 1–20. DOI: 10.1017/CBO9780511862403.001.

Smith M. The European Union and International Order: European and Global Dimensions // *European Foreign Affairs Review*. 2007. Vol. 12. № 4. 26 p., DOI:10.54648/EERR2007040.

Tatham A. F. The Influence of CJEU Decisions on Other Regional Courts // Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда: сб. материалов междунар. конф. Суда Евразийского экономического союза (г. Минск, 17–19 ноября 2021 г.) / отв. ред. А. С. Бугаева. Минск: Колорград, 2021. P. 128–141.

Vroege B. Exporting Arms over Values: The Humanitarian Cost of the European Defence Fund // *European Papers*. 2021. Vol. 6. № 3. P. 575–1601. DOI: 10.15166/2499-8249/539.

Wentker A. At War? Party Status and the War in Ukraine // *Leiden Journal of International Law*. First View. 2023. 22 February. P. 1–14. DOI: 10/1017/S0922156522000760.

Young M. A. Chapter 4. Fragmentation, Regime Interaction and Sovereignty // *Sovereignty, Statehood and State Responsibility: Essays in Honour of James Crawford* / ed. by C. Chinkin, F. Baetens. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 71–89. DOI: 10.1017/CBO9781107360075.008.

References

Balfour R. (2012) *EU Conditionality after the Arab Spring*. European Institute of the Mediterranean, EuroMeSCo, Paper 16, 35 p.

Bartolini G. (2023) The Law of Neutrality and the Russian/Ukrainian Conflict: Looking at State Practice. In *European Journal of International Law Blog*, April 11, 9 p.

Bradley C. A. (2017) Foreign Relations Law as a Field of Study. In *American Journal of International Law*, vol. 111, pp. 316–320, DOI: 10.1017/aju.2017.87.

Bredford A. (2016) The EU as a Regulatory Power. In Leonard M. (Ed.). *Connectivity Wars: Why Migration, Finance and Trade are the Geo-Economic Battlefields of the Future*. London, European Council on Foreign Relations / Stiftung Mercator, pp. 133–139.

Chaban N., Headley J. (2021) Perceptions of the EU in its Eastern Neighbourhood: 30 Years on from the Collapse of the Soviet Union [Special section (Part 1)]. In *European Foreign Affairs Review*, vol. 26, no. 4, pp. 553–558, DOI: 10.54648/eerr2021042.

Chaban N., Headley J. (2022) Perceptions, Narratives and Attitudes: New Perspectives and Geographies in the Study of External Perceptions of the EU [Special section (part 2)]. In *European Foreign Affairs Review*, vol. 27, no. 1, pp. 57–60, DOI: 10.54648/EERR2022004.

Clancy P. (2023) Neutral Arms Transfers and the Russian Invasion of Ukraine. British Institute of International and Comparative Law. In *International and Comparative Law Quarterly, First View*, Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1–17, DOI: 10.1017/S0020589323000064.

Enzo C., Rasi A. (2021) Europe at War. Editorial. In *European Papers*, vol. 6, no. 3, pp. 1523–1525, DOI: 10.15166/2499-8249/540.

Haroche P., Brugier C. (2023) 2027: The Year of European Strategic Autonomy. In *Groups d'études géographiques, Working Paper*, April, 9 p.

Keohane R. O., Victor D. G. (2011) The Regime Complex for Climate Change. In *Perspectives on Politics*, vol. 9, no. 1, pp. 7–23.

Krasner S. D. (1982) Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. In *International Organisations*, Cambridge University Press, vol. 36, no. 2, p. 185–205.

Laffan B. (1997) The European Union: A Distinctive Model of Internationalisation? In *European Integration Online Papers*, October 26, vol. 1, no. 18, 17 p.

Lifshits I. M. (2019) Chlenstvo Yevropeyskogo soyuza v mezhdunarodnykh organizatsiyakh v kontekste ego pravosub'ektnosti [Membership of the European Union in international organizations in the context of its legal personality]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 1, pp. 54–67, DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-54-67.

Meijer H., Brooks S. G. (2021) Illusions of Autonomy: Why Europe Cannot Provide for its Security if the United States Pulls Back. In *International Security*, vol. 45, no. 4, pp. 7–43.

Michaels D. (2022) EU to Fund Purchase of Weapons for First Time and Ban Entry of Russian Planes into EU Airspace. In *The Wall Street Journal*, February 28.

Rafalyuk E. E., Zaloilo M. V., Vlasova N. V. (2017) Pravovye modeli integratsionnykh ob"edinenii gosudarstv Evrazii i Latinskoj Ameriki [Legal models of integration associations of the states of Eurasia and Latin America]. In *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, no. 2, pp. 103–113.

Shebanova N. A. (2015) MERKOSUR: Pravovye aspekty sozdaniya i funktsionirovaniya novoi latinoamerikanskoi integratsii [MERCOSUR: Legal aspects of the creation and functioning of the new Latin American integration.]. In *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, no. 3, pp. 46–67.

Smith M. (2007) The European Union and International Order: European and Global Dimensions. In *European Foreign Affairs Review*, vol. 12, no. 4, 26 p., DOI: 10.54648/EERR2007040.

Tatham A. F. (2021) The Influence of CJEU Decisions on Other Regional Courts. In Bugaeva A. S. (Ed.) *Obespecheniye yedinoobraznogo primeneniya prava Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: rol' Suda: sbornik materialov Mezhdunarodnoi konferentsii Suda Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza (Minsk, 17–19 November 2021)*. Minsk, Kolorgrad, pp. 128–141.

Valeev R. M., Kurdyukov G. I. (Ed.) (2017) *Mezhdunarodnoe pravo: uchebnyk dlya bakalavrov* [International law: textbook for bachelors]. Moscow, Statut, 496 p.

Vroege B. (2021) Exporting Arms over Values: The Humanitarian Cost of the European Defence Fund. In *European Papers*, vol. 6, no. 3, pp. 575–1601, DOI: 10.15166/2499-8249/539.

Wentker A. (2023) At war? Party Status and the War in Ukraine. In *Leiden Journal of International Law, First View*, February 22, pp. 1–14, DOI: 10.1017/S0922156522000760.

Young M. A. (2015) Chapter 4. Fragmentation, Regime Interaction and Sovereignty. In Chinkin C., Baetens F. (Ed.) *Sovereignty, Statehood and State Responsibility: Essays in Honour of James Crawford*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 71–89, DOI: 10.1017/CBO9781107360075.008.

Young M. A. (Ed.) (2012) *Regime Interaction in International Law: Facing Fragmentation*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–20, DOI: 10.1017/CBO9780511862403.001.